

Ю.В. АРТЮХИН

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ,
ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИХ ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПАДОК
ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЙ НА ПОБЕРЕЖЬЕ
АЗОВСКОГО МОРЯ В XIII-XV вв.**

К настоящему времени научная школа изучения истории участия итальянских городов-республик в колонизации Черноморско-Азовского побережья в средние века достигла высокого уровня [Карпов, 1994, с. 5-10; Еманов, 1995, с. 98-146]. Опубликован значительный массив данных анализа постановлений государственных органов и нотариальных актов, который позволил раскрыть многие аспекты этого сложного социально-политического явления [Карпов, 2000, с. 11-18]. Но складывается впечатление, что чем больше привлекается документов, тем в большей мере происходит обособление получаемых на их основе представлений от данных средневековых портоланов. Из документов следует, что важнейшими опорными базами венецианцев в Черноморско-Азовском регионе являлись Константинополь, Трапезунд и Тана, а генуэзцев – Каффа и Тана. Возникает естественный вопрос: каким был статус многочисленных факторий и поселений, появлявшихся, судя по портоланам, в разные периоды на восточном и северном побережьях Азовского моря. Понятно, что существовали государственные приоритеты, оформляемые постановлениями сената и нотариальными актами. Параллельно существовала частная инициатива, реализуемая в тех регионах моря, которые государствами не охватывались. Но и в этом случае целесообразно выстроить систему исторических представлений, показывающих единую картину колонизации побережья. Это сделать необходимо еще и потому, что освоение ресурсов новых территорий происходило под патронажем католической церкви, в рамках созданных ею епархий. То есть колонизация регулировалась не только политическими и экономическими интересами, но и религиозными.

Еще сложнее соотношение выводов, основанных на документах и портоланах, с материалами географических построений. Крупномасштабные природные процессы в некоторые периоды должны были затормозить или даже прекратить хозяйственную деятельность и мореплавание в Азовском море. Но подобный вывод не всегда согласуется с документами. Это обстоятельство делает неудовлетворительной ситуацию, при которой природная компонента существует сама по себе, а социально-политические и экономические процессы на пространстве «Средиземное – Черное – Азовское моря» – сами по себе.

В 1169 г. генуэзцы первыми добились от императора Мануила I Комнина указа, по которому им разрешалось торговать в Черном море [Хотко, 2002, с. 193-205]. Но в 1203-1204 гг. венецианцы приняли участие в нападении крестоносцев на Константинополь, после чего обрели право плавания и беспошлинной торговли в Черном и Азовском морях [Мишо, 2004, с. 194]. Прежде доступ венецианцев сюда воспрещался. Неизвестно, какое количество факторий в этом регионе они основали за период с 1204 по 1260 гг., когда после взятия Константинополя греками вновь потеряли завоеванные права. Упоминаются остров Кандия, колонии во Фракии и торговая фактория Тана в устье Дона [Фелицын, 1899, с. 1-24]. На картах ал-Идриси (1154 г.) и портолане «Компассо да навигаре» (1250-1265 гг.), кроме ряда колоний между Кафрой и Судакком (Soldania, Meganome, Callita, Sipidimma), показаны города в Керченском проливе (Zavida, Cavalarij, Dutar – Vospro, Pondicopera) [Фоменко, 2007, с. 401-402]. В Азовском море нанесены фактории на следующих участках побережья: Kumania al sud – San Georgi (Бейсугский лиман), Palastra (оконечность Белосарайской косы), Nahr rusija (коса Кривая), Rusia – Casale de Rossi (дельта Дона), Cabardi (Миусский лиман), Tarjo (коса Долгая), Рехе (северный фланг пересыпи Ханского озера), Сора (город на правом берегу устья Гипаниса – Кубани), Matraha - Matrega (Тамань) [Фоменко, 2007, с. 401-402]. Можно предполагать, что венецианцы за период чуть более 50 лет создали разветвленную сеть факторий, перевалочных пунктов, хотя ее назначение исследователями не раскрывается.

В 1260 г. Генуэзская республика, давний соперник Венеции, оказала военное содействие претенденту на византийский престол М. Палеологу во взятии Константинополя. Согласно договору 1261 г. в Нимфее, в благодарность генуэзцы получили от императора исключительные права в проливе и Азово-Черноморском бассейне [Фелицын, 1899, с. 1-24]. Венецианцы же потеряли доступ в эти моря. К 1290-1300 гг. Венеция после длительного запрета вновь стала осуществлять торговлю на берегах Черного и Азовского морей. Судя по портоланам П. Весконтте (1311-1318), Ф. Пицигано (1367) и ряда других авторов, на побережье Азовского моря появились новые латинские топонимы [Carte nautiche ...; Facsimile..., Portolano del...]. Обращает на себя внимание местоположение некоторых факторий на неустойчивых участках побережья. И.К. Фоменко на сводной карте расположил эти фактории следующим образом: San Ziorzi – на косе Обиточной, La Cachi – Белосарайской, Tar Magno – Долгой, Tar Parvo – Ясенской, в пределах морского края дельты Кубани – Pexeria, Lo Cисора и др. [Фоменко, 2007, с. 401-402].

Город Генуя и порт города Пизы располагались на изрезанном, гористом побережье, как и многие греческие города. Венецианская же республика развивалась в пределах обширного лагунного побережья, осложненного дельтой р. По и устьями многочисленных мелких рек. Для венецианцев строительство и жизнь на песчаных, нередко заболоченных и подтопляемых берегах – дело

обычное. Может быть, перечисленные фактории на неустойчивых участках побережья как раз и заложены венецианцами. Но это предположение требует доказательств на основе документов или лоций.

Если к анализу исторической канвы событий привлечь палеоокеанологические данные, решения византийских императоров, предоставлявших льготы то одним, то другим итальянским городам-государствам, оказываются не столь губительными для империи, как об этом иногда пишут исследователи. Огромную роль в преобразовании природы Азовского моря в течение последних 2 тыс. лет играли колебания уровня поверхности, изменения гидрологического и гидрохимического режимов моря, в том числе обусловленные и климатическими причинами. На фазах похолодания могло происходить аккумулятивное атмосферных осадков в северных регионах европейской территории и в пределах горных систем. Последний процесс проявлялся в размерах и количестве горных ледников. В этих условиях реки поставляли значительно меньшее количество воды, чем в периоды потепления климата. Этот факт доказан океанологическими исследованиями. В Черном море, например, тренд современных многолетних колебаний уровня контролируется атмосферными осадками и речным стоком [Горячкин, 2011, с. 252-256]. Нет сомнения, что эта же закономерность была свойственна и средневековью, когда климатообусловленное сокращение речного стока вело к падению уровня в Черном, а тем более в Азовском морях.

На рис. 1В показаны кривые колебаний уровня Черного и Азовского морей в период с V в. н.э. до 1900 г. Кривая Азовского моря построена автором на основе радиоуглеродных датировок ракушечных проб, отобранных из тел азовских кос, пересыпей и террас [Артюхин, 2012 (А), с.8-9]. Используются также достоверные литературные данные о падении уровня в некоторые периоды средневековья. Предоставление льгот венецианцам и генуэзцам на право плавания по обоим морям происходило в период, когда уровень этих водоемов снизился как минимум на 3-4 м (рис. 1). Если для Черного моря такое падение было несущественным, учитывая приглубость подводного склона, особенно в бухтах, то для Азовского моря создавало серьезную проблему для мореплавания. Рубрук в 1253 г., например, указывал: «...река ... образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве...» [Путешествие..., 1957]. Причины такого снижения уровня видны из рис. 1Б. В XIII в. прослеживается значительное похолодание, по уровню сопоставимое с XVI и даже с XVII веками. Но этот факт в документах, характеризующих, в частности, торговлю зерном и солью, не нашел отражения. Это странно, поскольку на фазах похолодания в степной зоне всегда отмечалось падение урожайности зерновых,

нередко до «сам-2» (на меру посеянной пшеницы собирали всего 2 меры урожая), а садка солей в естественных лагунах снижалась до ничтожных значений.

На рис. 1 показано падение уровня всего на 3-4 м, а не на 8-9 м, как об этом свидетельствовал Рубрук. Из его текста непонятно, идет ли речь о глубинах вдоль восточного побережья или принимались во внимание и глубины в центральной и западной частях открытого моря. Падение уровня даже на 3-5 м сокращала площадь средневекового Азовского моря на 3-5 тыс. км², не говоря уже о снижении водной поверхности на 8-9 м (рис. 2). Резкое уменьшение площади водоема как раз и вызвало насмешливую реплику «как бы некое море». Следовательно, формально итальянцы хоть и получали права на плавание и торговлю, но в условиях значительного обмеления моря они могли использовать ресурсы, лишь прибегая к многократным перевалкам грузов на мелкосидящие плавсредства.

Можно предположить, что большая часть городов и факторий, появившихся на восточном берегу открытой части акватории Азовского моря в этот период (Tar Magno, Tar Parvo, Pexo, San Ziorzi, Bagtati, Copa), представляли собой как раз перевалочные пункты. В их пределах крупные суда итальянских городов-государств перегружали товары либо на мелкосидящие лодки, либо на подводы, доставлявшие их в Азак и обратно. Может быть, именно в условиях трудностей отправления и получения грузов из Таны при возникающих обмелениях моря генуэзцы и стали строить дорогу, следы которой существовали в Кубанской области еще в начале 60-х гг. XIX в. [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 87]. Собственно, таким же способом османы в 1637-1641 гг. доставляли войска, оружие и боеприпасы от береговых промежуточных пристаней на восточном берегу к крепости Азов [Челеби, 1979, с. 205]. Ситуация начала меняться в конце XIII в., когда уровень моря приблизился к современным отметкам (рис. 1). Это обстоятельство, скорее всего, явилось решающим для возникновения Азака.

Как только уровень позволил напрямую плавать из Керченского пролива к устью Дона, перечисленные перевалочные пункты превратились в наиболее активные торговые фактории в бассейне Азовского моря. Можно полагать, что они уже приспособились к комбинированию не только морских, но и сухопутных операций. Даже непродолжительные климатические катаклизмы показывали необходимость такого сочетания приемов перевалки грузов. В середине XIV в. произошло временное похолодание. Например, в 1326 г. замерзла часть Средиземного моря, а по Черному морю местные жители на санях преодолевали пространство от устья Днепра до Румелии.

При анализе средневековых портоланов исследователи нередко напрямую коррелируют конфигурацию Азовского моря того периода с современной береговой линией. Это в корне неверно, поскольку за истекшие 5-8 веков толща береговых пород под воздействием моря разрушалась иногда с темпом до 10-20 м/год [Артюхин, 2007, с. 313-328]. Если взять за основу подобные оценки,

то получим, что в XIII-XV вв. подошва береговых обрывов располагалась на 2-4 км мористее современной береговой линии (рис. 2). Даже морские суда могли подходить к обрывистым берегам сравнительно близко благодаря значительно меньшей ширине отлогого подводного склона, чем в настоящее время. На локальных участках береговая линия была выдвинута еще дальше в море из-за действия систем грязевых вулканов (Голубицкий останец), тектонического выдавливания со дна пластичных пород (мысы Ахиллеон-Пеклы), антиклинальных купольных структур (участок между косами Долгой и Камышеватской) и др.

Анализ эволюции кос на основе реконструкции древних генераций береговых валов с помощью математических зависимостей и радиоуглеродных датировок отложений свидетельствует, что длина многих кос в средние века была меньше, чем в настоящее время. Исключение составляет коса Федотова-Бирючий остров. Она была крупным аккумулятивным телом уже в римское время [Артюхин, 2012, с. 454-455, Б]. Естественнонаучные данные позволяют предположить, что некоторые венецианские фактории располагались на островах, которые на последующих этапах эволюции включены в состав кос. Например, к ним относятся остров в пределах оконечности современной косы Обиточной (уже существовавший в IV-V вв. н.э.) и остров посередине пролива, соединявшего Таганрогский залив и Азовское море (на подводном склоне косы Долгой) (рис. 2). Гипотеза об островном положении некоторых факторий не согласуется с нагрузкой портоланов. На них города и фактории надписывались в пределах суши, а не на пространстве морской акватории. Даже вблизи островов ни в одном случае нет поясняющих надписей. Но города на коренных обвальных берегах вряд ли могли долго существовать в условиях постоянной угрозы нападения кочевников и разрушающего действия моря. Еще меньше для этой цели подходили прикорневые участки кос, террасы. В настоящее время их превышение над уровнем моря не может гарантировать от затопления строения даже при обычных штормовых нагонах, не говоря уже об ураганах или в условиях подъема уровня выше современных отметок на 2-3 м.

Скорее всего, на острове, лежащем на подводной отмели косы Долгой, находилась фактория *Tag Magno*. Ее островное положение, вероятно, обеспечивало безопасность, а поэтому, по свидетельству И.К. Фоменко, между этим поселением и городами на берегах Керченского пролива существовало наиболее оживленное морское сообщение. Исследователи нередко показывают *Tag Magno* на современной оконечности косы Долгой, что не согласуется с имеющимися данными по динамике формы. Оконечность косы неоднократно в последние 300-400 лет прорывалась, перестраивалась, изгибалась, что отчетливо видно как по рельефу, геологическому строению тела, так и возрасту ракушечных отложений. Большой остров же, видимо, характеризовался значительной пространственной устойчивостью, поскольку покоился на мощном аккумулятивном фундаменте

промежуточной дельты палео-Дона. Именно поэтому в его пределах долгое время существовала морская фактория. Остров отчетливо показан на картах А. Шхонебека и С. Беллина [Carte redut...; Незнамов, 1941, с. 74-77]. Причем на карте С. Беллина остров, в отличие от всех других, имел собственное название – Мандар.

Беллин помогает определить местоположение фактории Заккария, которую некоторые исследователи называют гаванью около Ейска [Еманов, 1995, с. 101]. Французский картограф на карте 1772 г. поместил надпись Sakageja над Песчаными островами, располагающимися на 1/3 расстояния между Ейским лиманом и косой Кривой. Причем он помечает, что острова осушались только с 1712 г. Почти наверняка можно утверждать, что колония была основана в пределах этой обширной подводной банки в период низкого стояния уровня в средние века. Только в этих условиях и можно было здесь размещать жилые строения и причалы. С.П. Карпов считает, что генуэзский род Дзаккария имел в Приазовье собственную факторию, занимаясь, в числе прочих, торговлей квасцами. Расположение Песчаных островов таково, что суда могли в условиях низкого стояния уровня подняться вверх по течению р. Ея и максимально приблизиться к дороге, ведущей на Большой Зеленчук. Видимо, отсюда и шла поставка этих минералов.

На этнолингвистической карте Черного и Азовского морей показаны две другие фактории – Tar Parvo и Rexo, к которым также направлялась большая часть судов, выходивших из Керченского пролива [Фоменко, 2007, с. 400-401]. И.К. Фоменко помещает Tar Parvo на оконечности косы Ясенской, а Rexo – в северной части пересыпи Ханского озера, где-то у современного с. Шиловка. В XIII-XIV вв. как таковой косы Ясенской еще не существовало, зато в полукилометре западнее ее современной центральной части располагался конус выноса р. Бейсуг. Река его сформировала на низком стоянии уровня моря. Затем на фазе эвстатического подъема уровенной поверхности конус выноса был переработан морем и превратился в песчано-ракушечный остров, лежащий на аллювиально-илистых отложениях. Глубины на подходе к острову были намного больше, чем в настоящее время у наветренного берега косы Ясенской. Это могло способствовать расцвету морской торговли и превращению основанного на острове городища Tar Parvo в полноценный перевалочный пункт. Пересыпи Ханского озера в рассматриваемый период не было. Зато абразионный берег, выдвинутый почти на километр западнее, имел мысообразную конфигурацию, способствовавшую образованию петлевидной косы, с двух сторон защищавшей глинистый мыс от волнового размыва. Возможно, это обстоятельство способствовало появлению здесь торгового порта Rexo, игравшего важную роль в морской торговле.

На месте современного морского края дельты Кубани в эпоху средневековья сформировалась сложная аккумулятивно-лагунная система. Пространство

современных внутренних лагун и лиманов было больше, и они не были столь заболочены, что обеспечивало некоторую возможность плавания даже морских судов. Южная часть этой акватории отделялась от собственно Азовского моря аккумулятивной формой, подобной пересыпи, которая сформировалась путем накопления песчано-ракушечных наносов между глинистыми останцами и купольными структурами тектонического происхождения. Фрагменты лессовидных останцов и квазикуполов фиксировались в теле Вербяной косы скважинами, пробуренными еще во второй половине 1930-х годов. Скорее всего, в средние века размеры таких структур были больше, и они располагались как минимум в 0,5-1 км западнее современной Вербяной косы. Можно предполагать, что именно в пределах подобных образований, возвышающихся над уровнем моря на 1,5-2,0 м, был основан торговый центр Сора. Его местоположение исследователи безуспешно пытаются найти в рамках существующего рельефа южного фланга морского края дельты Кубани или в пределах русла Протоки [Еманов, 1995, с. 102; Волков, 1999, с. 34-37]. Пространство Вербяной косы между современным Куликовским и Соловьевским гирлами, участок Чайкинского мелководья и примыкающие к ним акватории лиманов приурочены к Индоло-Кубанскому прогибу. Все геологические и морфологические образования в его пределах испытывают погружение с темпом не менее 3-3,5 мм/год, а в отдельные периоды и того более. В условиях погружения, осложненного прекращением поставки на берега створок раковин, Вербяная коса только за период 1970-2005 гг. местами сместилась вглубь дельты на 250-350 м. Соответственно, масштабы смещения с XIII-XIV вв. значительно больше. Следовательно, центр активной торговли Сора угасал по причине медленного погружения в акваторию. Что же касается р. Протоки и участка Славянска, еще необходимо доказать, что в XIII-XV вв. этот рукав не только соответствовал современному плановому положению, но и вообще существовал как полноценная речная артерия.

Северный фланг дельты Кубани в средние века имел облик своеобразной косы изгиба, располагавшейся мористее современной береговой линии на 5-6 км [Артюхин, Федорова, Артюхина, 2010, с. 39-43]. Древняя Ачуевская коса выдвигалась под действием волн и течений на север и северо-восток, постепенно заливая и перекрывая существовавший к востоку от нее Курчанско-Сладковско-Ахтарский залив (условное название). Как и во всех подобных случаях, море перестраивало наветренные берега аккумулятивной формы. Если в XI в. длина косы, считая от современного пос. Ачуево, составляла всего 12-13 км, то к XIII-XIV вв. она возросла на 3 км. При этом наветренный берег сместился на восток на 2-2,5 км. К XV-XVI вв. коса отступила под натиском моря еще на 3-4 км, а ее оконечность выдвинулась на север почти на 8 км. Именно в результате такой пространственно-временной переработки древней Ачуевской косы были уничтожены колония *Lo Sincora*, *Pixeria* и ряд других итальянских факторий.

Рассматривая историю возникновения итальянских факторий в пределах

побережья открытого моря, желательно устанавливать приуроченность некоторых поселений к перспективным участкам минерального сырья. Так, например, в первой четверти XX в. разведаны циркон-грантовые россыпи на восточном побережье Белосарайской косы. Источником ценных минералов являются гранитоиды Донецкого кряжа, эродированного р. Кальмиус и её притоками. Нет сомнения, что и в средние века этот процесс шел весьма активно. Он мог побуждать разрабатывать пески Белосарайской террасы в целях добычи полудрагоценных минералов. Не являлась ли эта деятельность приоритетом Паластры? В пределах морского края дельты Кубани в XX в. неоднократно фиксировалось отложение после штормов на пляжах концентратов тяжелых минералов, обогащенных зернами алмазов. Нельзя исключать, что и этот весьма ценный природный концентрат мог добываться на продажу. На карте И.К. Фоменко показал месторождение соли в пределах акватории небольшой лагуны на западном берегу современного Утлюкского залива (с. Фрунзе). Естественное выпадение солей из пересыщенных растворов могло возникать в пределах разных частей Арабатской стрелки и лагун Сиваша. Местоположение солевых разработок менялось, поскольку под влиянием соотношений температуры воздуха и солености водной массы садка соли могла происходить в любой мелководной, хорошо прогреваемой акватории.

На портоланах XIII-XVI вв. в пределах побережья древнего Таганрогского залива, в основном, встречаются топонимы береговых поселений тюрков и других кочевых народов [Фоменко, 2007, с.400-401]. Латинские фактории сосредоточены на участках оконечности кос, в устьях рек или на дельтовых островах. Ширина Таганрогского залива в средневековье была меньше как минимум на 10-15 км. Это обстоятельство существенно усложняло навигацию, поскольку при жестких (скорость ветра свыше 20-25 м/с) и продолжительных (до 15-18 суток подряд) северо-восточных и восточных ветрах в устье древнего Таганрогского залива возникали мощные течения, осложненные поперечными биениями волновых полей. В этих условиях далеко не всегда мореходы имели возможность даже за месяц пройти пространство от входа в Таганрогский залив до Таны. Вероятнее всего, им приходилось отстаиваться в Ейском лимане. В средние века это была фактически подтопленная морем нижняя часть долины р. Ея. Ейская коса имела небольшие параметры (длина не более 0,2-0,3 км), но лишена была изогнутой оконечности. Поэтому при северо-восточных и восточных ветрах суда здесь укрываться не могли. Кубанские историки располагают факторию или гавань Базиначи (в их интерпретации Бальзамиха) на Ейской косе [Трехбратов, 2005, с. 94]. Но такие построения ничем не обоснованы, поскольку наибольший интерес с точки зрения устройства перевалочного пункта и рейда для отстоя судов представляла древняя Сазальникская коса. Ныне она имеет облик треугольной террасы, расположенной на продолжении линии уреза южного побережья Таганрогского залива. В средневековье аккумулятивная

форма, видимо, имела облик косы изгиба, сначала формировавшаяся к юго-западу от мыса Сазальник (рис. 2). То есть древняя Сазальникская коса прикрывала с северо-запада вход в узкий Ейский лиман. Тем самым внутренняя акватория, защищенная с севера аккумулятивным телом, а с востока высоким береговым откосом, позволяла укрываться судам от жестких штормов. *Vazinagui* имела и важное торговое значение. В периоды некоторого падения уровня моря сюда было легко доставлять товары сухопутным путем из Таны. В средневековые таких фаз снижения уровня, видимо, было несколько, а их гидрологические характеристики отличались. Можно предполагать, что расположенное восточнее тюркское поселение *Agaria* использовалось в качестве второго перевалочного пункта на фазе небольшого подъема уровня моря, при котором суда имели возможность пройти восточнее *Vazinagui*, но не достигали устья Дона.

На рис. 1 и 2 показаны не только колебания уровня, но и площади водоема в периоды похолоданий, сопровождавшихся снижением водной поверхности. Возврат к обычным гидрологическим условиям происходил медленно, что было характерно, в частности, для XIII в. Соответственно, линия уреза восточной части Таганрогского залива перемещалась примерно от косы Кривой до меридиана современной дельты Дона. Это обстоятельство объясняет причины неопределенности местоположения порта Пизано. Порт мог при одном режиме обустраиваться на участке устья или приустьевой косы р. Самбек, другом – у косы Петрушина. При значительном падении уровня причалы этого порта могли возводить в устье р. Миус или у расположенного западнее мысовидного участка, сложенного прочными известняками.

В каких условиях существовали причалы Таны при подъеме уровня моря на 2 и даже 3 м выше современного? Во-первых, еще не факт, что русло Старого Дона, в настоящее время прижатое к береговому откосу г. Азова, в XIII-XV вв. имело такие же плановые очертания. Есть основание предполагать, что русло проходило севернее и впадало в море либо в центральной, либо в северной части дельты или в обширную озероподобную акваторию дельты. Обращает на себя внимание фраза из старинного первоисточника: «...от устья реки Танаиса плыли вверх 18 миль (31,2 км), где на азиатском берегу находился город Тана (*terra de la Tana*)» [Еманов, 1995, с. 127]. Такой временный перенос Таны почти до меридиана р. Темерник (г. Ростов-на-Дону) был бы оправдан в случае значительного подъема уровня средневекового Азовского моря. С одной стороны, новый уровень не позволял нормально функционировать старой Тане, с другой – создавал предпосылки для получения гораздо больших объемов рыбной продукции с нового займища на азиатском берегу, залитого водой (ныне это пространство левобережья Дона, вплоть до г. Батайска).

Следует рассмотреть еще одно существенное обстоятельство торговой деятельности итальянских факторий на побережье Азовского моря – быстрый и весьма значительный подъем уровня Каспийского моря, по одним оценкам на 5-7 м,

по другим – 12-15 м с 1200-1320 гг., продолжившийся до конца XVII в. (рис. 1 А). Оценки подъема уровня Каспия могут отличаться и уточняться. Однако факт затопления, например, столицы Золотой Орды подтверждается нахождением строений этого периода под толщей морских илов мощностью свыше 2 м. Упадок экономики и инфраструктуры Золотой Орды в результате затопления обширных пастбищ Северного Прикаспия, караванного пути через Дербентский коридор и плато Устюрт-Мангыстау привел к уменьшению либо полному прекращению поставок ряда восточных товаров в Тану [Артюхин, 2012, с. 320-323, В]. Ухудшил конъюнктуру торговли разгром Таны и других торговых баз на «шелковом пути», учиненный войсками Тимура в 1395 г. Анализ исторических сведений, приведенных в книгах персидских авторов Шами и Йезди и ряде других источников, позволил высказать предположение, что войска Тимура, продвигаясь от Азака на запад, к Кубани, целенаправленно уничтожали приморские поселения европейцев [Нарожный, 2005, с. 188-189]. Тана в начале XV в. была восстановлена, хотя и после некоторого перерыва [Бурлака, 2005, с. 46-47]. С.П. Карпов в таблице, указывающей сроки стоянок судов «линии» в Тане, отразил этот перерыв с 1395 г. по 1397 г. [Карпов, 1994, с. 64]. Но колонии на пространстве от Ейского до Ахтанизовского лиманов почему то так и не возобновили свою деятельность.

Анализ зарубежных источников позволил зафиксировать ряд изменившихся факторов плавания и торговли в Тане [Фомичев, Бурлака, 2003, с. 54-59]:

- с 1394 г. стали использоваться для захода в Тану крупные суда кокки (может быть, это следствие значительного подъема уровня моря, что видно из графика на рис. 1?);

- примерно с 1398-1400 гг. из Таны европейцы стали вывозить, в основном, товары Приазовья (не произошло ли это в результате временного прекращения поставки восточных товаров в условиях затопления Каспием огромных прибрежных пространств?);

- в 1409-1410, 1411, 1412, 1427 годах Тана подвергалась нападению и разграблению татарскими отрядами (в предшествующий период все путешественники отмечали безопасность на пространстве Золотой Орды. Возможно, активизация хищничества объяснялась упадком экономики Орды и ослаблением центральной власти в условиях природных катаклизмов?);

- примерно с 1430 г. стали отмечаться случаи оледенения судов в порту Таны. В 1434 и 1435 гг. галеи венецианцев в Тану не приходили (можно ли эти факты объяснять только возрастанием суровости климата? Если «да», то таких случаев должно быть гораздо больше);

- после 1439 г. не только ремень, но и другие специфические товары из Китая и других восточных стран все реже стали попадать на рынки Таны.

В XIII-XV вв. колонизация побережья Азовского моря происходила в условиях климатического оптимума в Европе, включая Приазовье-Причерноморье. В отдельные короткие периоды могли возникать суровые зимы. Но в целом

климат характеризовался сравнительно теплым летом, мягкой и непродолжительной зимой. Это позволяло осуществлять морские перевозки между портами Азовского, Черного и Средиземного морей с апреля по октябрь-ноябрь. Но уже в начале XV в. климатические условия начинают меняться. В некоторые годы отмечались очень холодные зимы – 1402, 1408, 1422, 1445, 1477, 1493, 1496 гг. [Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 95-102]. К XVI в. суровость климата еще более возросла. В полной мере проявился так называемый малый ледниковый период (рис. 1 Б). В подобных условиях уровни Черного и Азовского морей понижаются. Поскольку уровень обоих водоемов изменялся синхронно, то компенсированного притока вод из Черного моря в Азовское не происходило. Уменьшение глубины моря, прежде всего в Таганрогском заливе, даже на 2-3 м приводило в условиях лютых морозов к глубокому промерзанию акваторий с пресными и распресненными водами. Как показывают натурные наблюдения в реальных условиях суровых зим середины XX в., сравнительно более мягких чем в XVII в., в Таганрогском заливе могут возникать ледовые поля большой мощности, осложненные грядами высоких торосов. Торосы образуются и на участках с хорошо выраженными подводными отмелями, валами. На пространстве от Ейского лимана до дельты Дона даже сейчас еще можно проследить 5 подводных барьеров. 200-300 лет назад они были гораздо более рельефными.

Первый барьер располагался непосредственно на предустьевом взморье Дона. По нашим оценкам, морской край дельты Дона в XIII-XV вв. находился примерно в 7-9 км восточнее современного его положения (примерно меридиан с. Рогожкино). Барьер формировала глубокая ложбина в зоне гидравлического скачка речных вод, обрамленная с морской стороны многочисленными отмелями и валами. Второй барьер простирался от мыса Таган-Рог к Очаковской косе, третий – от косы Петрушина к надводной оконечности косы Чумбурской. Четвертый барьер формировала подводная гряда, соединявшая отмели кос Чумбурской и Беглицкой. Пятый барьер, имевший наибольшую площадь и сложную конфигурацию, включал Песчаные острова с многочисленными банками, подводное продолжение косы Сазальникской и отчасти конус выноса р. Миус. В пределах барьеров в эпоху малого ледникового периода неизбежно возникали ледово-ракушечные заторы, которые таяли только к середине июня, а в годы с возвратом холодов летом могли существовать до следующей зимы. Это обстоятельство делало практически нереальной навигацию от косы Долгой до Таны.

С.П. Карпов, опираясь на данные изучения документов, показал, что сенат Венеции в осложняющихся природно-климатических условиях предпринимал попытки регулирования мореходства. С одной стороны, требовалось обеспечить поступление доходов в казну, с другой – гарантировать сохранность судов и экипажей. Но флот как Венеции, так и Генуи нес потери, обусловленные штормами, туманами [Карпов, 1994, с. 31-43]. Однако не совсем понятно,

какую тактику выбирали патроны галей в условиях надвигающегося малого ледникового периода. Нет убедительных свидетельств, происходило ли комбинирование морских и сухопутных перевозок или итальянские республики вообще отказались от «азовского» пути доставки специй и других ценных грузов. Наконец, фаза морской торговли в Азовском море после захвата Азака Османской империей рассматривается почему-то вне контекста радикальных природно-климатических изменений. Нельзя исключать, что именно поэтому Азов приобрел статус обособленной крепости, а пространство между Азовом и крепостью Копыл (среднее течение р. Протока) османами длительное время вообще не осваивалось.

Таким образом, совокупность данных, накопленных историческими и естественно-научными дисциплинами, требует разработки такой концепции истории колонизации Азовского побережья в средние века, в рамках которой социально-политические, экономические, этнические явления непротиворечиво увязывались бы с природно-климатическими процессами. Видимо, требуется повторный анализ документов, который должен сопровождаться не просто качественными описаниями, а нанесением строго установленных фактов на хронологическую шкалу. То есть новая теория может базироваться только на оценке «статистического веса» наиболее радикальных явлений и процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др. Методы и результаты картирования и геохронологической привязки древних береговых линий на суше и шельфе Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М, Наука. – 1982.
- Артюхин Ю.В. Перестройки береговой зоны Азовского моря как фактор некоторых исторических событий XVIII–XX вв. / Историко-географический сборник. – Вып. 1. – Краснодар, ООО «Карика», 2007.
- Артюхин Ю.В. (А). Сопряженный анализ антично-средневековых и современных оценок многовековой изменчивости уровня и морфометрии Азовского моря // Географические исследования Краснодарского края. – Вып. 7. – Краснодар, изд-во КубГУ, 2012.
- Артюхин Ю.В. (Б). Античные и средневековые географические представления о природе Азовского и Черного морей в свете некоторых современных естественнонаучных данных // ИАИАНД. – Вып. 26. – Азов, 2012.
- Артюхин Ю.В. (В). Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой орде и возникновения Азака // БИ. – Вып. XXVI. – С. – Керчь, 2012.
- Артюхин Ю.В. Федорова С.И., Артюхина О.И. Эволюция рельефа северного фланга дельты реки Кубани // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2010. – № 10.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л., Гидрометеиздат, 1983.
- Бурлака В.О. Азов – город с тысячелетней историей. – Азов, 2005.
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Изв. АН. СССР. Сер. географическая. – 1984. – № 4.
- Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря. // Природа. – 1927. – № 10.
- Волков И.В. О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Коба) // Древности Кубани. – Декабрь. 1998.

- Горячкин Ю.Н.* Связано ли повышение уровня Черного моря с повышением уровня Мирового океана? // Геосистемы: факторы развития, рациональное природопользование, методы управления. – Материалы конф. – Краснодар, 2011
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв. – Тюмень, 1995.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. – 1938. – № 3
- Карпов С.П.* Путиями средневековых мореходов. – М.: «Восточная литература». – 1994.
- Карпов С.П.* Древнейшие постановления сената Венецианской республики о навигации в Черном море. // Причерноморье в средние века. – Вып. 4. – 2000.
- Мишио Г.* История крестовых походов. – СПб. – 2004.
- Нарожный Е.И.* О походе Тимура через «область черкесов» (отрезок пути; Азак – Таманский полуостров) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – 2005.
- Незнамов П.А.* Карта Азовского моря 1699 года // Труды ГИМ. – Вып. XIV. – М, 1941.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957.
- Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до конца XVIII в. – Краснодар. ОИПЦ «Перспективы образования». – 2005.
- Фелицын Е.Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. – Т. 5. – 1899.
- Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье (конец XIII-XVII в.). – М. «ИНДРИК». – 2007.
- Фомичев Н.М., Бурлака В.О.* Тана – центр региональной и международной торговли в XV в. // Очерки истории Азова. Азов – древнейший порт России. – Вып. 7. – Азов. 2003.
- Хотко С.Х.* Генуя и Черкессия: политическое и культурное взаимодействие в XIII-XV вв. // От Тмутаракани до Тамани. Т. 4 (152). – М. «Русская панорама». – 2002.
- Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – Вып. 2. – М. 1979.
- Facsimile del Portolano di Giacomo Girolodi di Venezia dell' anno 1426. Venezia, MDCCCLXXXI.
- Carte nautiche di Batista Agnesse dell'anno 1554. Venezia. MDCCCLXXXI.
- Carte Reduite de la mer Noire. Par le Bellin ingeneur de la marin. 1772. РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 427.
- Portolano del XIV secolo. Venezia MDCCCLXXXI.

Ю.В. Артюхин

**ПРОБЛЕМА СПІВВІДНОШЕННЯ ФАКТОРІВ, ЯКІ ЗУМОВЛЮЮТЬ
ВИНИКНЕННЯ ТА ЗАНЕПАД ІТАЛШЙСЬКИХ КОЛОНІ Й НА УЗБЕРЕЖЖІ
АЗОВСЬКОГО МОРЯ У XIII – XV ст.**

Резюме

Обговорюється проблема слабого взаємопроникнення природничо-наукових даних та історичних уявлень про середньовічну колонізацію узбережжя Азовського моря, заснованих на вивченні документів. В деяких випадках історична теорія ігнорує факти існування в минулому природних катаклізмів. Зображені деякі особливості побудови узбережжя Азовського моря у середні століття, можливе місцезнаходження важливіших факторій та механізми їх знищення природними процесами.

Ю.В. Артюхин

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИХ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПАДОК ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЙ
НА ПОБЕРЕЖЬЕ АЗОВСКОГО МОРЯ В XIII-XV вв.**

Резюме

Обсуждается проблема слабого взаимопроникновения естественно-научных данных и исторических представлений о средневековой колонизации побережья Азовского моря, основанных на изучении документов. В некоторых случаях историческая теория игнорирует факты существования в прошлом природных катаклизмов. Показаны некоторые особенности строения побережья Азовского моря в средние века, возможное местоположение важнейших факторий и механизмы их уничтожения природными процессами.

Y.V. Artyukhin

**PROBLEM OF CORRELATION OF THE FACTORS, DETERMINING RISE AND
FALL OF ITALIAN COLONIES ON THE SEA OF AZOV COAST IN THE 13th-15th cc.**

Summary

The problem of weak interpenetration of the natural data and historical understanding of medieval colonization of the Sea of Azov, based on the study of documents, is discussed in the article. In some cases, the theory ignores the historical facts of existence of natural disasters in the past. Some of the structural features of the coast of the Azov Sea in the Middle Ages, and the possible location of the most important factories and mechanisms of their destruction by natural processes are shown.

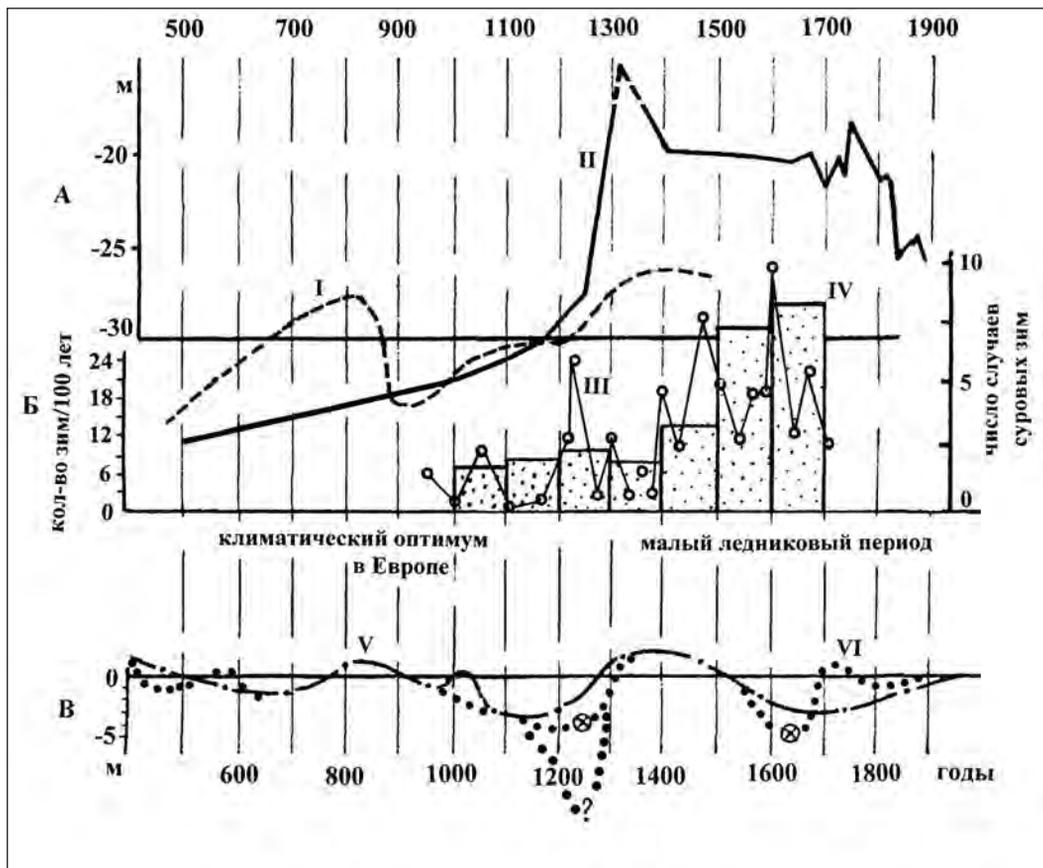

Рис. 1. Изменение природных условий в бассейнах Черного, Азовского и Каспийского морей в V-XIX вв.

А – изменение уровня Каспийского моря по данным Варушенко, Варушенко, 1984 (I), Вознесенского, 1927 (II).
 Б – изменение числа случаев суровых зим по скользящим двадцатилетиям (III) и количества зим в столетие по данным выборки из русских летописей (IV) [по: Борисенков, Пасецкий, 1983]. В – колебания уровня Черного (V) [по: Арсланов и др., 1982] и Азовского (VI) морей.

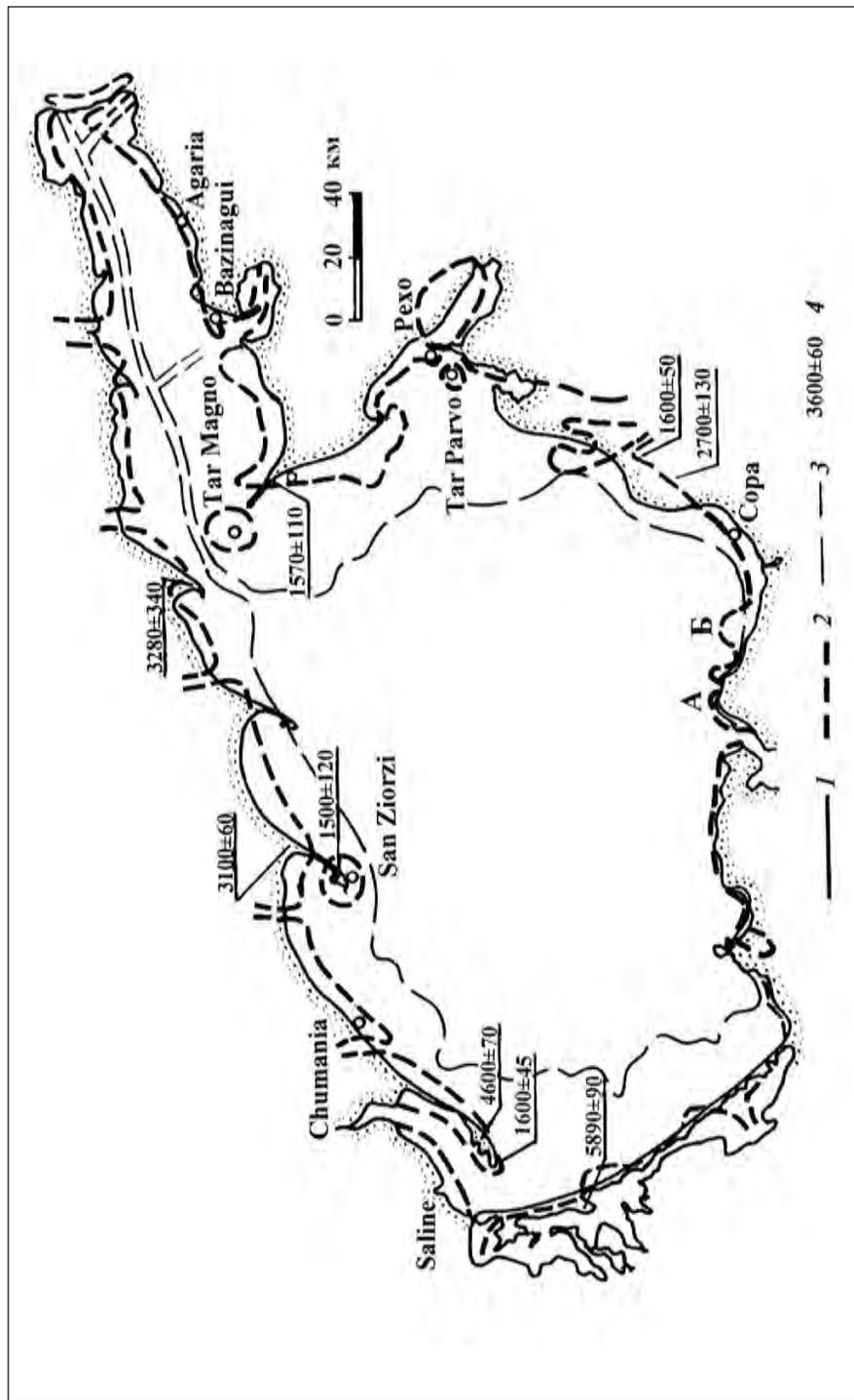

Рис.2. Изменение конфигурации и размеров Азовского моря в средние века.

1 – современная береговая линия; 2 – береговая линия, примерно соответствующая XII-XIII вв.; 3 – примерные очертания и размеры водоема по описанию Рубрика; 4 – радиоуглеродные датировки ракушечных проб из тел аккумулятивных форм. При вычислениях абсолютного возраста за «0» отсчета принимать 1985 г. Буквами обозначены мысовидные участки, возникшие в результате тектонического выдвигания пород подводного склона (А) и деятельности нескольких грязевых вулканов (Б).